

Обстоятельства гибели выдающихся поэтов, как и других знаменитых людей, всегда привлекали внимание их современников и потомков. Дуэли А. Пушкина и М. Лермонтова, уход из жизни В. Маяковского и М. Цветаевой описаны во множестве статей и книг. К известным фактам времени от времени добавляются новые подробности, проясняющие, а иногда — запутывающие историю той или иной горестной утраты. Все это по-человечески понятно.

Реалии наших дней — утверждение гласности, рассекречивание ранее недоступных документов, открытие специальных хранений литературы — дали возможность заполнить многие «белые» пятна истории страны, ее культуры. Стали известны существенные страницы из биографий политических деятелей, ученых, писателей, артистов, художников, композиторов. Все это обогатило науку, расширило знание далекого и близкого прошлого нашей Родины, приблизило нас к правде.

В то же время на страницах газет и журналов печатались материалы, далекие от научных целей. Некоторые статьи этой серии выходили под боковыми заголовками: «Тайна смерти Ленина», «Тайна смерти Сталина», «Как погиб Маяковский», «Тайна смерти Горького»... Не все авторы таких выступлений руководствовались благими намерениями — восстановить истину. Кое у кого, судя по всему, был расчет на сенсацию.

На этом фоне в конце 1988 — начале 1989 гг. прозвучали слова писателя В. Белова о том, что пора развеять легенду о самоубийстве Есенина и сказать правду о его насилиственной смерти. Насколько мне известно, непосредственным поводом для заявления послужили фотографии мертвого Есенина: на них видны травмы лица.

У меня нет ни малейшего сомнения в том, что В. Белов хотел только одного — установления правды о смерти великого русского лирика, плодомного сына России. Того же хотели и миллионы почитателей поэзии Есенина. И на страницах изданий публикации стали появляться одни за другой.

Привереды новой версии смерти Есенина главное внимание обращают на фотографии, милицейский акт, составленный на месте происшествия, записи опроса четырех близких к поэту людей, акт, подписанный патологоанатомом.

Чевидно, что квалифицированное заключение по всем этим документам в состоянии дать лишь специалисты. К сожалению, на месте происшествия, запись опроса четырех близких к поэту людей, акт, подписанный патологоанатомом.

Согласно многочисленным публикациям в акте вскрытия тела, акт, подписанном патологоанатомом А. Гильярским. Здесь начинается область, где первое слово — за специалистами.

небрежностью, а то и безграмотностью? Больше похоже на второе. С. Кунев сомневается в необученности милиционера. Но на каком основании? Судя по стилю и пунктуации акта, его составитель образованностью не блескал. Чего стоят только фразы: «лицо обращено к трубе и кистью правой руки захватывалась за трубу...» Так что вряд ли от него можно требовать знания всех юридических тонкостей. Да и обстановка не способствовала сосредоточенности. Нет, не большим профессионалом был участковый надзиратель 2-го отделения Ленинградской городской милиции Н. Горбов, кто, заидя в номер, где лежал покойник, не снял шинели и сел писать протокол «огромном карапандашом»... Хорошо бы, конечно, иметь обстоятельный, по всем юридическим правилам составленный акт, но что подлаешь...

Особенно много претензий у авторов публикаций к акту вскрытия тела, акт, подписанному патологоанатомом А. Гильярским. Здесь начинается область, где первое слово — за специалистами.

И. Француза). А в 1926 году — в составе третьего тома собрания стихотворений Есенина, вышедшего в том же Госиздате тиражом 10.000 экземпляров. Зная все это, автор не стал бы наывать тень на ясный день, видеть козы против Есенина там, где их не было.

В той же статье Евгений Черносвитов пытается анализировать «Песни о великом походе». Он пишет в поэме «о одной стороны, выступает злодей Петр, на костях людских построивший Петроград, а с другой стороны — народ со своими героями... Троцкий и Зиновьевым». Но ведь очевидно, что «о одной стороны» выступает не только Петр, но и непутевой дядя, и сгибающий народ, а «с другой стороны» не только Троцкий и Зиновьев, но и Бородин, и Буденный и — что особенно важно — комиссары, «люди в куртках кожаных». Кстати, иронические отточия перед фамилиями Троцкого и Зиновьева явно неуместны: в то время эти люди считались героями личностями.

Поверхностное знание жизни и творчества Есенина, его времени естественно ведет к произвольному толкованию некоторых биографических фактов. «Это было жуткое время для подлинных поэтов», — уверенно говорит Хлыстолов о первой половине 20-х годов. Но так ли это? Время было нелегкое для всей страны, всего народа, но поэты работали, и работали вдохновенно. Брюсов, Маяковский, Пастернак, Асеев, Багрицкий, Светлов, Казин, Полетаев, Тихонов — сколько написано ими в эти годы, какими высокими чувствами они были охвачены! Но Хлыстолова это не интересует. Он ведет свою линию: «Нельзя сделать карьеру в партии, армии или ГПУ, не сумев организовать собственное прибыльное дело, много различных проходивших и чистым человеком рисуют Вольфа Эрлиха его старший товарищ поэт Николай Тихонов.

Что касается Бломкина, то тоже обвинения строятся на предположениях и догадках, подчас противоречивых здравому смыслу. Ну, скажем, зачем, чтобы расправиться с поэтом, надо ехать в Ленинград, когда Есенин был неизвестен и в Москве? К чему затевать весь трагический спектакль в номере престижной гостиницы, когда он может быть разыгран в более безопасном месте? Зачем подымать труп Есенина к потолку номера, когда имитация повешения могла быть связана, скажем, с перекладиной криваты? Этн и другие вопросы остаются без ответа.

Авторы ряда публикаций для подтверждения своих выводов цитируют отрывки из стихотворений В. Кизяева и Е. Звягинцевой на смерть Есенина. Но есть документ, который показал, вернее всех воспоминаний и чужих стихов говорит о земном бытии поэта. Это — произведение самого Есенина. «Стихи мои, спокойно расскажут про жизнь мою», — сказал он, доверяя душу своим творениям. А последнюю автобиографию он закончил словами: «Что касается остальных автобиографических сведений, они в моих стихах». Как же авторы версии об убийстве использовали эти стихи для выяснения психологического состояния Есенина в последние годы его жизни? А никак! Они просто не посчитали нужным обратиться к этому исключительно важному источнику биографии души поэта. После того, как Хлыстолов специально оговорил этот шаг, «Объясняя причину гибели поэта», — пишет он, — его недоброжелатели пошли по простому пути и стали искать объяснения его жизненной драмы в его собственных стихах. Житейская биография была вычеркнута и заменена литературной... И это говорится о художнике, чья жизнь несторожима от поэзии, чья душа жила в слове искреннем и не подкупном, чья правдивость и честность перед самим собой не заслонялась, как отметил Владислав Ходасевич, «наносной метафорической мытью».

«Стихи Есенина», — писал хорошо знавший и высоко ценявший его критик Александр Воронский, — самые биографические. Живая человеческая личность поэта в них отражена полностью. Свершенней личность поэта, какая она простирает сквозь словесную ткань его произведений, с житейским Есенином, и образы совпадают, переживаешь одно и то же основное настроение, и становишься понятным, в чем сила его стихов».

Да, это так. Стихи Есенина — не только литературные, но и житейские человеческие документы. В таком качестве и рассматривали их все близкие к поэту люди.

«Грустно вспоминать теперь, — писал вскоре после смерти Есенина Леонид Леонов, — что все

его последние стихи стояли как бы траурными

шеренгами, среди которых он неуклонно поди-
гался к трагической развязке. Он предсказывал

конец свой в каждой своей теме, кричал от

этого в каждой строке: нужно было иметь уши, чтобы

слушать... Мы и не имели...»

У поэта-жизнелюбителя Есенина много — назовем их светильными — мотивов в стихах, но «траурные

шеренги» строк, о которых писал Леонид Леонов, не замечать невозможно. И странно, что сторонники версии убийства обходят их молчанием. Впрочем, ничего странного нет: «траурные» стихи не вписываются в схему.

Мне кажется, надо внимательно перечитать и вдуматься в свидетельства современников поэта, беседовавших с ним в последние дни перед отъездом в Ленинград.

Ноябрь 1925 года. В столовой Союза писателей на Тверском бульваре поэт Владимир Кириллов встречает Есенина. Тот «с каким-то ожесточением пил стаканами водку...» На следующий день Кириллов снова увидел Есенина. Пoэт был совершенно трезв, но имел мрачный и болезненный вид. Он тихим, охрипшим голосом говорил о себе:

— Я устал, я очень устал, я конченый человек.

— Ты отдохни, — успокаивал Кириллов, — пе-
рестань пить, и все пройдет.

— Мильный мой, я душой устал, понимаешь, душой... У меня в душе пусто...

В заметке Дмитрия Фурманова, написанной, как говорится, по горячим следам: «В Госиздате встретились мы почти что какую неделю, а то и больше было: пын был Серека, каждодневно поди-
гался к трагической развязке. Он предсказывал конец свой в каждой своей теме, кричал от

этого в каждой строке: нужно было иметь уши, чтобы

слушать... Мы и не имели...»

Приятель Есенина Леонид Леонов, — писал вскоре после смерти Есенина — был Серека, каждодневно поди-
гался к трагической развязке. Он предсказывал конец свой в каждой своей теме, кричал от

этого в каждой строке: нужно было иметь уши, чтобы

слушать... Мы и не имели...»

У поэта-жизнелюбителя Есенина много — назовем их светильными — мотивов в стихах, но «траурные

шеренги» строк, о которых писал Леонид Леонов, не замечать невозможно. И странно, что сторонники версии убийства обходят их молчанием. Впрочем, ничего странного нет: «траурные» стихи не вписываются в схему.

Мне кажется, надо внимательно перечитать и вдуматься в свидетельства современников поэта, беседовавших с ним в последние дни перед отъездом в Ленинград.

Ноябрь 1925 года. В столовой Союза писателей на Тверском бульваре поэт Владимир Кириллов встречает Есенина. Тот «с каким-то ожесточением пил стаканами водку...» На следующий день Кириллов снова увидел Есенина. Пoэт был совершенно трезв, но имел мрачный и болезненный вид. Он тихим, охрипшим голосом говорил о себе:

— Я устал, я очень устал, я конченый человек.

— Ты отдохни, — успокаивал Кириллов, — пе-
рестань пить, и все пройдет.

— Мильный мой, я душой устал, понимаешь, душой... У меня в душе пусто...

В заметке Дмитрия Фурманова, написанной, как говорится, по горячим следам: «В Госиздате встретились мы почти что какую неделю, а то и больше было: пын был Серека, каждодневно поди-
гался к трагической развязке. Он предсказывал конец свой в каждой своей теме, кричал от

этого в каждой строке: нужно было иметь уши, чтобы

слушать... Мы и не имели...»

Приятель Есенина Леонид Леонов, — писал вскоре после смерти Есенина — был Серека, каждодневно поди-
гался к трагической развязке. Он предсказывал конец свой в каждой своей теме, кричал от

этого в каждой строке: нужно было иметь уши, чтобы

слушать... Мы и не имели...»

У поэта-жизнелюбителя Есенина много — назовем их светильными — мотивов в стихах, но «траурные

шеренги» строк, о которых писал Леонид Леонов, не замечать невозможно. И странно, что сторонники версии убийства обходят их молчанием. Впрочем, ничего странного нет: «траурные» стихи не вписываются в схему.

Мне кажется, надо внимательно перечитать и вдуматься в свидетельства современников поэта, беседовавших с ним в последние дни перед отъездом в Ленинград.

Ноябрь 1925 года. В столовой Союза писателей на Тверском бульваре поэт Владимир Кириллов встречает Есенина. Тот «с каким-то ожесточением пил стаканами водку...» На следующий день Кириллов снова увидел Есенина. Пoэт был совершенно трезв, но имел мрачный и болезненный вид. Он тихим, охрипшим голосом говорил о себе:

— Я устал, я очень устал, я конченый человек.

— Ты отдохни, — успокаивал Кириллов, — пе-
рестань пить, и все пройдет.

— Мильный мой, я душой устал, понимаешь, душой... У меня в душе пусто...

В заметке Дмитрия Фурманова, написанной, как говорится, по горячим следам: «В Госиздате встретились мы почти что какую неделю, а то и больше было: пын был Серека, каждодневно поди-
гался к трагической развязке. Он предсказывал конец свой в каждой своей теме, кричал от

этого в каждой строке: нужно было иметь уши, чтобы

слушать... Мы и не имели...»

Приятель Есенина Леонид Леонов, — писал вскоре после смерти Есенина — был Серека, каждодневно поди-
гался к трагической развязке. Он предсказывал конец свой в каждой своей теме, кричал от

этого в каждой строке: нужно было иметь уши, чтобы

слушать... Мы и не имели...»

У поэта-жизнелюбителя Есенина много — назовем их светильными — мотивов в стихах, но «траурные

шеренги» строк, о которых писал Леонид Леонов, не замечать невозможно. И странно, что сторонники версии убийства обходят их молчанием. Впрочем, ничего странного нет: «траурные» стихи не вписываются в схему.

Мне кажется, надо внимательно перечитать и вдуматься в свидетельства современников поэта, беседовавших с ним в последние дни перед отъездом в Ленинград.

Ноябрь 1925 года. В столовой Союза писателей на Тверском бульваре поэт Владимир Кириллов встречает Есенина. Тот «с каким-то ожесточением пил стаканами водку...» На следующий день Кириллов снова увидел Есенина. Пoэт был совершенно трезв, но имел мрачный и болезненный вид. Он тихим, охрипшим голосом говорил о себе:

— Я устал, я очень устал, я конченый человек.

— Ты отдохни, — успокаивал Кириллов, — пе-
рестань пить, и все пройдет.

— Мильный мой, я душой устал, понимаешь, душой... У меня в душе пусто...

В заметке Дмитрия Фурманова, написанной, как говорится, по горячим следам: «В Госиздате встретились мы почти что какую неделю, а то и больше было: пын был Серека, каждодневно поди-
гался к трагической развязке. Он предсказывал конец свой в каждой своей теме, кричал от

этого в каждой строке: нужно было иметь уши, чтобы

слушать... Мы и не имели...»

Приятель Есенина Леонид Леонов, — писал вскоре после смерти Есенина — был Серека, каждодневно поди-
гался к трагической развязке. Он предсказывал конец свой в каждой своей теме, кричал от

этого в каждой строке: нужно было иметь уши, чтобы